

Вклад "Вуковой задужбины" в освещение и разработку проблем сербской лексикографии

В статье рассмотрены факты, иллюстрирующие вклад сербской общественной организации "Вукова задужбина" в обсуждение и разработку лексикографических проблем лингвистики. Автор анализирует ряд статей, опубликованных в газете "Задужбина" — периодическом издании этой организации.

Ключевые слова: "Вукова задужбина", сербская лексикография, межкузыковые связи, языковые контакты.

Говоря о Вуковой задужбине, фактах её деятельности, некоторых ее проектах, нельзя не отметить, что задужбина как явление общественной жизни зародилась ещё в прошлом веке и по структуре своей сродни движению славянских благотворительных обществ в России 60-х — 90-х годов XIX века. Факт существования задужбин в современной Сербии — свидетельство глубокой заинтересованности сербов в сохранении и дальнейшем развитии народных и общественных традиций.

Как и упомянутые славянские благотворительные общества второй половины XIX века, задужбина "фонд, имущество, пожертвованное или завещанное на благотворительные или культурно-просветительные цели, и учреждения, сооружения, созданные на завещанные средства" [14: 127], являясь общественной организацией, существующей почти исключительно за счёт пожертвований своих членов, возлагает на себя задачи популяризации, сохранения и изучения жизни и деятельности того или иного учёного, писателя, общественного деятеля, а также оказывает содействие в подобных проектах государства и общественных организаций. Например, задужбина известной сербской поэтессы Десанки Максимович в 1996 году учредило поэтическую награду "Десанка Максимович", присуждаемую раз в год за выдающиеся достижения в области сербской поэзии.

В Сербии функционирует большое количество подобных организаций. К концу XX века здесь действовали общества, связанные с жизнью и творчеством практически всех наиболее известных сербских учёных, поэтов, прозаиков. Например, только в Белграде расположены центры задужбин Иво Андрича, Десанки Максимович, Милоша Црнянского.

Однако до сих пор одной из самых крупных (если не самой крупной) продолжает оставаться задужбина Вука Стефановича Караджича ("Вукова задужбина"). Её деятельность отличается разносторонностью и масштабностью: участие в организации ежегодных национальных празднований дней памяти выдающегося сербского филолога; финансирование и личное участие членов задужбины в различных научных и культурных проектах, в основу которых положено дальнейшее углубление и развитие принципов, обоснованных еще Вуком. Следует упомянуть об участии Задужбины в качестве соиздателя труда "Српски биографски именик", работ, посвящённых истории и культуре малых городов Сербии, а также о предоставлении информационного пространства в периодических изданиях "Вуковой задужбины" для презентации новых научных и культурных публикаций, их рецензирования. В 1998 году в издательстве "Просвета" вышел 31 том этого издания, включающий в себя переписку Караджича за 1859–1863 годы.

Сама научная направленность дела Вука обеспечила стабильность и глубину интереса задужбины к проблемам сербской науки (в том числе и сербской лексикографии), а популяризаторская установка, являющаяся одной из обязательных сторон деятельности задужбины, обусловила стремление организации к вынесению научных проблем на суд широких общественных слоёв, желание не просто дать представление, но детально ознакомить, заинтересовать граждан научными проблемами. Заметным шагом в этом направлении явилось создание в 1988 г. газеты "Задужбина", выходящей четыре раза в год.

"Задужбина" — газета общекультурной направленности, каких издаётся немало на территории Славии (в том числе и в Украине). Тем не менее, она выгодно отличается от большинства из них, освещая не только общекультурные, но и научные аспекты. С изданием сотрудничают крупные сербские ученые, работающие в различных областях науки и культуры, среди них академики Павле Ивич и Милка Ивич, известный лексикограф, много лет возглавлявший Институт сербского языка САНУ, Драго Чупич, специалист по сербской двуязычной лексикографии профессор, доктор наук Боголюб Станкович, крупнейший специалист по славяносербскому языку профессор Александр Младенович, сербский филолог Богдан Терзич (САНУ — Српска академија наука и уметности). Это обеспечивает высокий научный уровень публикаций, спектр которых (от рецензий на научные и литературные новинки и хроник до научных обзоров и серьезных аналитических статей, затрагивающих как насущные, современные, так и исторические аспекты культурной жизни Сербии) чрезвычайно широк. Здесь важно отметить то, что при достижении высокого уровня научности не приносится в жертву популярное, доступное изложение материала. Всё это даёт право назвать "Задужбину" научно-популярным изданием высокого уровня.

Давний интерес издателей к проблемам сербской науки не мог не затронуть и вопросов сербской лексикографии, так как эта область языкознания, связанная с кодификацией народного языка, с проблемой языковой нормы, переживает в Сербии время повышенного интереса к её проблемам как в среде учёных, так в обществе в целом. Этот факт, на наш взгляд, можно пояснить, связав его со стремительным, прежде всего техническим, совершенствованием цивилизации, а также с последними социальными и политическими изменениями в Югославии, повлекшими за собой разрушение не только общегосударственной системы, но и сложившихся на её базе, устоявшихся за десятилетия лингвистической и коммуникационной структур. Наиболее ярким фактом этой деструкции явилось произошедшее в 90-е годы разделение сербохорватского языка.

Важной особенностью сербской лексикографии является её обозримость. Сербская лексикография берёт своё начало от словаря Вука Караджича, впервые изданного в 1818 году, и насчитывает менее двух веков. И до Вука (или одновременно с ним) имели место попытки издания лексикографических трудов. Среди них и "Словар виноделца" Прокопия Болича (1818), и содержащий определенный процент полезного лексического материала "Немецкий и сербский словарь на потребу сербского народа в Кралевских державах", опубликованный в 1791 году венским издателем Куцбеком, и "Речник пчеларске терминологије", изданный в 1818 и опередивший "Вуков речник" всего на месяц. Это позволяет наиболее конкретно и полно осветить все важнейшие лексикографические достижения, равно как и недостатки, а совпадение со временем становления современного сербского литературного языка обеспечивает гармоничную обработку, усвоение языкового материала.

С точки зрения общественно-научных связей, полезности лексикографических разработок наиболее важным остаётся составление и издание толковых словарей литературного языка,

являющееся фактом "признания" тех или иных элементов общей лексической базы языка, присвоением им литературного статуса.

С количественной точки зрения эта область сербской лексикографии не отличается высокой степенью динамичности, однако имеет существенные особенности, связанные с природой основы сербского литературного языка нового времени. Как известно, для Вука Караджича такой основой стал живой, народный язык. Существенным является то, что Вук Караджич попытался создать литературный язык *исключительно* на народной основе. Типологически сербский литературный язык времён Вука Караджича, по сравнению, например, с русским, содержал намного меньший процент элементов, обусловленных литературной и культурной традицией, не имел основательной литературной предыстории (ср. с творчеством Ломоносова, Державина, Карамзина, Жуковского, Крылова, Грибоедова в России допушкинской эпохи), отсутствие которой Караджич заменил фольклорными текстами.

Особенность литературного языка сербов обусловила тот факт, что в сербской лингвистике понятие толкового словаря намного шире, нежели в русской или украинской. По сравнению с русскими аналогами, сербские и хорватские толковые словари представляют собой, с одной стороны, объединение толкового и исторического словаря (таким, например, является фундаментальный "Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika", издание которого, начатое Джуро Даничицем в Загребе ещё во второй половине XIX века, продолжалось Южнославянской академией науки и искусства почти сто лет — с 1880 по 1976 годы) или представляют собой словари-тезаурусы, более широкие, по сравнению с толковыми, по спектру включенной в них лексики. Таковым во многом является наиболее фундаментальный и современный из сербских толковых словарей — академический "Речник српскохрватског књижевног и народног језика" (Речник САНУ), который начал издаваться в 1959 году и в настоящее время доведён примерно до середины (в 1996 году вышел его 15-й том, оканчивающийся лексемой "нокавац"). Разумеется, издание подобного академического словаря является чрезвычайно важным не только научным, но и культурным фактом, поскольку даёт возможность субъектам общества наиболее полно познакомиться с разнообразием сербской лексической системы, максимально расширить личностный лексический запас. Безусловно, проект, имеющий столь важное значение, не мог не привлечь к себе пристального внимания научной и научно-популярной прессы, в том числе и "Задужбины". Авторы издания не раз обращались к данной теме. Подвергся анализу и последний из вышедших из печати томов. Его разбору посвящена статья Васы Павковича "Петнаести том Речника САНУ" [7:12]. Автор затрагивает вопросы истории создания словаря, подчёркивает, что идея его издания возникла ещё в конце прошлого века, в 1893 году, и была высказана крупнейшим сербским лингвистом и филологом Стояном Новаковичем. Рада Стоевич в статье, посвященной жизни и деятельности Стояна Новаковича, пишет: "Новакович хотел создать такой словарь, который бы являлся продолжением уже существовавших тогда словарей (Вука Караджича и Джуро Даничича) и представлял бы сокровищницу народной лексики и слов, создававшихся в более новом интеллектуальном творчестве. Он предполагал, что это будет словарь "народного литературного языка", что значит — литературного языка на народной основе, в духе принципов Вука Караджича. Новакович говорит: "созданный и сделанный за прошедшие сто лет литературной жизни". (...) Концепция Стояна Новаковича при создании словаря дополнялась и видоизменялась в связи с развитием самого языка, науки о языке и самой лексикографии, но сохранились основные направления, которые он дал свыше ста лет тому назад." [11:5]. Новакович предложил создать лексикографическое отделение при Академии Наук Сербии, членами которого стали филологи Любо Стоянович, и Перо Джорджевич, писатели Святослав Вулович и М. Дж. Милчевич, историки Любо Ковачевич и Любо Йованович. Постепенно сложилась и общая концепция словаря. О ней Павкович пишет так: "У богату грађу Речника САНУ равноправно улазе и примери из белетристике, науке, публицистике као и из народних говора са читавог српског и хрватског подручја". Упоминается в статье и тот факт, что изданию основного корпуса словаря, начавшемуся в 1959 году, предшествовал выход трёх обзорных, пробных томов — первый увидел свет в 1913 и был подготовлен М.Иваничем, в подготовке второго (1943) и третьего (1953) в качестве редакторов принимали участие крупнейшие сербские лингвисты: Р. Бошкович, Й. Вукович, К.Тарановский и А. Белич. Переходя конкретно к рассмотрению последнего тома, автор подробно

говорит о составе ученых, принимавших участие в его составлении, упоминая Митара Пешикана, Даринку Гортон-Премк и др., подчёркивает солидный (9440 единиц) объём и общественную важность издания, отмечая, однако, и факт значительной задержки его выхода. Из-за событий, происходивших в Сербии с 1991 года, публикация задержалась практически на пять лет (том был подписан к печати ещё в декабре 1991, а издан лишь в 1996 году).

Для Сербии, широко открытой межнациональным, межгосударственным контактам, важную роль играет и проблема межъязыковых связей. Применительно к рассматриваемой лексикографической тематике она связана с подготовкой и изданием двуязычных словарей сербского языка. Этой важной теме также посвящен ряд статей "Задужбины". Особенное внимание при этом уделяется изданиям, освещающим ранее научно не затронутые межъязыковые связи. Например, изданная в 1996 году статья Джордже С. Косича [4:9] посвящена выходу в свет Нидерландско-сербскохорватского и Сербскохорватско-нидерландского базовых словарей, автором которых стала Елица Новакович-Лопушина. Анализируя проделанную ученой работу, автор отмечает некоторые положительные стороны книг, в частности, основательность и продуманность построения словарной статьи, богатство приведенного в словарях иллюстративного материала, что придает им статус не только справочного издания, но и прекрасного пособия для изучающих нидерландский язык.

Распад в 1991 году Советского Союза обусловил ускоренные процессы самостоятельного выхода каждого из восточнославянских народов на мировую культурную и политическую арену, что послужило значительным стимулом для развития проблемы межъязыковых связей восточно- и южнославянских языковых областей, в том числе, сербско-украинских и украинско-сербских языковых связей, существенным препятствием в развитии которых является отсутствие до настоящего времени сколько-нибудь значительных достижений в украинско-сербской и сербско-украинской двуязычной лексикографии. Этому вопросу посвятил свою статью "Стање у српско-украјинској двојезичкој лексикографији" Богдан Терзич [12:7]. В статье подробно разбирается до сих пор единственный в этой области опыт создания двуязычного словаря — "Українсько-хорватський або сербський словник / Hrvatsko ili srpsko-ukrajinski rječnik", составленный и изданный ещё в 1979 году в Загребе профессором, доктором наук Антицей Менац и доктором наук Аллой Коваль, профессором Киевского университета, преподававшей в то время украинский язык в Загребском университете. Терзич отмечает ряд существенных недостатков упомянутого издания: скромный объем ("око 18000 ријечи на лијевој стране свакога дијела"), недостаточное отражение сербского материала (во многих случаях приведены только хорватские аналоги украинских слов, напр.: *иноземство*, *протуавионский*, *барбарин*), недостаточное представление наиболее важных языковых пластов украинской лексики (прежде всего лексики, характеризующей культурно-исторические реалии украинского народа). Существенные недочёты отмечены и в разработке состава словарной статьи: скудность грамматического представления лексемы, ошибки в ударениях. Например, не указано на акцентологические различия между лексемами *сім'я* (семья) и *сім'я* (семя) и т. д. Б.Терзич говорит об обоюдной заинтересованности украинской и сербской сторон в издании более серьёзного источника, высказывает пожелания и некоторые технические соображения по поводу украинской лексической базы, на которую следовало бы опираться при его составлении (по мнению Терзича, такой базой мог бы стать академический 11-томный "Словник української мови").

"Задужбина" освещает не только вопросы издания толковых словарей, проблемы межъязыковых связей. Знакомясь с материалами газеты, мы можем в полной мере представить себе объёмность и разноплановость сербской лексикографической продукции. Статьи авторов издания посвящены многим специальным словарям. Например, работа Драголюб Петровича "О српским дијалекатским речницима" [8:4], напечатанная в 1996 году, представляет собой подробный анализ этой области сербской лексикографии. В статье упомянуто и проанализировано около 20 сербских диалектологических словников, включающих в себя лексический материал, собранный на различных территориях государства и являющихся составными частями ряда монографических трудов, изданных во второй половине XX века. При этом автор подчёркивает, что основным образом, своеобразным камертоном всех приведённых разработок продолжает оставаться первый в современной сербской лексикографии "Сербский словарь" Вука Караджича.

Разработке проблемы заимствованной лексики и наиболее удачному опыту в этой области — словарю Милана Вуяклии "Лексикон страних речи и израза", изданному впервые ещё в 1937 году, но до сих пор не утратившему своей значимости, посвящена статья Милицы Радович-Тешич "Вуяклија — јубиларно издање" [10:13], анализирующая юбилейное, пятое по счету, издание словаря. Среди множества достоинств нового издания автор прежде всего отмечает значительность внесённых в словарь дополнений (после доработки словарь содержит около 40000 лексических единиц). Среди недостатков отмечается не во всех случаях полное отражение в словарных статьях основных грамматических помет, например, указаний рода при толковании существительных; отсутствие указаний флексий генитива (например, *киви -ија* и др.), поскольку эти элементы необходимы для правильного употребления лексем в разговорной речи. Рассмотрены в статье и более современные работы, например, изданный в 1992 году "Речник нових речи" Ивана Клайна (Нови Сад, 1992).

Отмечаемые многими учёными процессы ускорения темпа жизни, обусловленные бурным развитием цивилизации, постепенное, связанное с недавним созданием всемирной компьютерной сети, исчезновение пространственных препятствий, затруднявших ранее установление и поддержание не только межличностных, но и межнациональных, межгосударственных контактов, — всё это приводит ко всё большему информационному насыщению коммуникативного потока. В то же время возможности человеческой памяти, артикуляционного аппарата имеют свои, и весьма обозримые, пределы. Посягательство на них, попытки превысить допустимый информационный уровень приводят к ответной реакции языка, одним из проявлений которой является массовая унификация языкового материала — образование сокращений, замена часто употребляемых лексических конструкций краткими, зачастую символическими обозначениями. Разумеется, в несистематизированном состоянии подобная языковая ситуация плачевно и даже губительно сказывается на вовлечённом в неё носителе языка, поэтому так важно своевременно подвергнуть её научному анализу, обобщить и кодифицировать результаты этого анализа. Всё выше сказанное во многом обусловило то, что научная и научно-популярная пресса обратила свое пристальное внимание на вышедший в 1997 году в Белграде "Rečnik skraćenica akronima i oznaka", составленный Ратко Стойковичем и не случайно имеющий подзаголовок "priručnik za svakodnevnu upotrebu" (пособие для повседневного употребления). "Задужбина" также откликнулась на выход словаря, посвятив его представлению и анализу объёмную публикацию, подписанную, к слову сказать, загадочной аббревиатурой Р. Б. С. [9:14]. Скрывшийся по тем или иным причинам за этими инициалами автор первую половину статьи посвящает теоретическому освещению проблемы сокращений в языке вообще, даёт их классификацию, а также приводит конкретные пунктуационные и орфографические требования, предъявляемые к отражению их на письме. Переходя к современной мировой ситуации в этой области языка, автор обильно иллюстрирует свои размышления фактографическим материалом. Так, говоря о стремительно возрастающем к концу XX века числе сокращений в тех или иных национальных языках, он иллюстрирует это следующими данными: на территории англо-американского языкового пространства в период с 1958 по 1970 годы число сокращённых лексем возросло с 31000 до 80000 единиц, в русском же языке уже в середине века их насчитывалось около 50000. Интересен и тот факт, что зачастую словари сокращений того или иного языка создавались за пределами основных территорий его функционирования. Например, в бывшем СССР были изданы словари немецких, англо-американских и др. сокращений. Напротив, словари русских сокращений опубликованы в Германии, Чехии, некоторых других странах. На наш взгляд, эта тенденция связана с упомянутым уже постепенным исчезновением пространственных границ, что приводит к более тесным межъязыковым отношениям. Ведь трудности, связанные с усвоением разноуровневых "тонкостей" того или иного языка, являются более ощутимыми для тех, кто сталкивается с ним как с иностранным.

Переходя во второй части статьи к непосредственному разбору словаря, автор, указывая на весьма скромный объём словника (8.000 единиц), подчеркивает, тем не менее, что сдержанность составителя словаря при отборе материала была связана с желанием создать свод наиболее употребительных, ежедневно встречающихся сокращений. Следовательно, подчеркивается практическая направленность нового издания. Говоря о структуре словаря, исследователь как положительную черту отмечает его построение с учетом принципов, ставших традиционными при

разработке двуязычных разговорников, то есть разбивку всего материала на отдельные тематические разделы (в словаре их 20), среди которых: авиакомпании, автомобильные сокращения, названия государств, сокращения наименований валют, управление и компании, латинские сокращения, международные сокращения, радиостанции и т. д.

Определённый процент статей издания посвящён рассмотрению ещё неосуществлённых, но чрезвычайно важных для носителя сербского языка проектов, что включает "Задужбину" в сферу обсуждения задач и перспектив лексикографической науки. Так, в статье Драго Чупича подробно рассматриваются перспективы и принципы издания Сербского гидронимического словаря и атласа как труда, необходимого для систематизации и обобщения значительных достижений в этой области сербской ономастики. Давней мечтой сербских лексикографов является и создание словаря славяно-сербского книжного языка, являющегося предшественником современного сербского литературного языка. Разбору этой темы посвятили свои статьи "О речнику славеносрпског књижевног језика" профессор, доктор наук А. Младенович и Й. Кашич [6:3;5;8]. В статье подробно отражена историческая языковая ситуация конца 18 — начала 19 века, отмечается значительность роли Доситея Обрадовича и его знаменитого обращения к сербским писателям (1783 г.), в котором выдвигается требование создавать произведения исключительно на сербском языке.

Безусловно, при наличии более полных сведений о деятельности "Вуковой задужбины" и её изданий, этот разбор мог бы быть продолжен, однако и приведённые нами факты иллюстрируют весомость её вклада в обсуждение и разработку лексикографических проблем лингвистики.

1. Демина Е. И. К теории сравнительно-типологического изучения славянских литературных языков // VIII Международный съезд славистов. Славянское языкознание/доклады советской делегации. — М., 1978.
2. Дмитриев П. А., Сафронов Г. И. Из истории русско-югославянских литературных и научных связей. — Л., 1975.
3. Кашич Ј. Извори и грађа за речник славеносрпског језика // Leksicografija i leksicologija. — Sarajevo, 1988.
4. Костић Ђ. Низоземско-српскохрватски базични речник и српскохрватско-низоземски базични речник // Задужбина. — 1996. — бр. 34.
5. Младеновић А. Напомене о раду на речнику славеносрпског типа књижевног језика // Лексикографија и лексикологија. Сб. реферата. — Београд — Нови Сад, 1982.
6. Младеновић А. О речнику славеносрпског књижевног језика // Задужбина. — 1997. — бр. 37.
7. Павковић В. Петнаести том Речника САНУ // Задужбина. — 1997. — бр. 37.
8. Петровић Ђ. О српским дијалекатским речницима // Задужбина. — 1996. — бр. 35.
9. Р. Б. С. Речник скраћеница, акронима и ознака // Задужбина. — 1997. — бр. 39.
10. Радовић-Тешић М. Вујаклија -јубиларно издање // Задужбина. — 1997. — бр. 37.
11. Стијовић Р. Стојан Новаковић и модерна српска лексикографија // Стојан Новаковић — личност и дело. — Београд, 1995.
12. Терзић Б. Стање у српско-украјинској двојезичкој лексикографији // Задужбина. — 1994. — бр. 26.
13. Ћупић Д. Српски хидронимски лексикон и атлас // Задужбина. — 1997. — бр. 39.

О. О. Иљасов

ВНЕСОК "ВУКОВОЈ ЗАДУЖБИНИ" У ВИСВІТЛЕННЯ ТА РОЗРОБКУ ПРОБЛЕМ СЕРБСЬКОЇ ЛЕКСИКОГРАФІЇ

У статті розглянуті факти, що ілюструють внесок сербської громадської організації "Вукова задужбина" в обговорення і розробку лексикографічних проблем лінгвістики. Автор аналізує низку статей, опублікованих у газеті "Задужбина" — періодичному виданні цієї організації.

Ключові слова: "Вукова задужбина", сербська лексикографія, міжмовні зв'язки, мовні контакти.

А. А. Ильясов

THE CONTRIBUTION OF "VUKOVA ZADUZHIBINA" TO ELUCIDATION AND ELABORATION OF PROBLEMS OF SERBIAN LEXICOGRAPHY

The facts, that illustrate the contribution made by Serbian public organization "Vukova Zaduzhbina" to the discussion of lexicographic issues, are dealt with in the article. The author analyses a number of articles published in the "Zaduzhbina", a periodic edition of the organization mentioned.

Keywords: "Vukova Zaduzhbina", Serbian lexicography, interlingual connections, lingual contacts.